

Новицкая Вера Сергеевна

**Веселые будни. Из
воспоминаний гимназистки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В31

В31 **Вера Сергеевна Н.**
Веселые будни. Из воспоминаний гимназистки / Новицкая Вера Сергеевна –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 207 с.

ISBN 978-5-521-25395-1

ISBN 978-5-521-25395-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Молебенъ. Японка.

Ну, теперь-то я совсѣмъ настоящая гимназистка, даже и платье на мнѣ форменное! т. е. не то, чтобы ужъ очень форменное, потому на немъ есть и складочки, и оборочки, передникъ тоже съ крылышками и кружевомъ обшить, но все же платье на мнѣ коричневое, а передникъ черный. Мнѣ даже кажется, будто я немножко выросла, но это, быть можетъ, только такъ кажется, потому что все таки я самая маленькая въ нашемъ классѣ. Какъ это пріятно сказать—нашъ классъ, наша гимназія!

Мундиръ свой я надѣла первый разъ на молебенъ, а—представьте себѣ!—были же такія чудачки, которыя въ пестрыхъ платьяхъ явились. Вотъ охота!

Какъ только мы пришли, сама начальница забрала всѣхъ насъ, новенькихъ, и повела въ залъ на молебенъ. Жарко было страшно. Двѣ или три дѣвочки изъ старшихъ классовъ хлопнулись въ обморокъ, но, говорятъ, это ничего, всегда такъ бываетъ.

Кончили мы молиться, подошла къ намъ синенькая дѣвица и повела по лѣстницѣ на самый верхъ, потому что малыши—приготовишки, мы, шестой и пятый классы—всѣ въ верхнемъ корридорѣ. Оказалось,

это-то и есть наша классная дама. Ну, конечно, сейчас же представилась намъ. Ужасно миленькая: небольшого роста, но толстуха порядочная, личико круглое-круглое,—какъ дядя Коля говоритъ,—циркулемъ обведенное, глаза большіе, каріе, веселые и блестятъ точно мокрыя вишни; носяюя совсѣмъ коротенькій, верхняя губа тоже; засмѣется—точно ей все лицо веревочкой кверху подтянуть, а зубы большіе, бѣлые, тоже какъ у инспектора на миндаль похожи; сама живая, веселая, такъ и крутится. Дуся!

Вотъ стала она насъ по скамейкамъ разсаживать.

Я еще за молебномъ замѣтила одну ужасно миленькую дѣвочку, въ темно-синемъ платьѣ, съ двумя длинными свѣтлыми косами, мы съ ней рядомъ стояли, а потомъ, пока шли наверхъ, и побесѣдовать немного успѣли; зовутъ ее Юля Бекъ. Мнѣ очень хотѣлось сѣсть съ ней на одну скамейку, да не тутъ-то было—она высокаго роста, и ее на третью загнали, а меня посадили на первую, не совсѣмъ впередъ, а во второй колоннѣ отъ учительскаго стола. Мѣсто то чудное, ворчатъ нечего, но если бы вы только знали, кого со мной посадили!

Ее я тоже раньше замѣтила, и мудро проглядѣть: ~~смотрию~~—японка, ну, право японка, и фасонъ лица та-кой, и глаза немного кверху.—Фу! Правда, она довольно бѣленькая и у нея чудная толстая каштановая коса ниже пояса, но все-жъ она японка. И вдругъ—меня, именно меня, съ ней сажаютъ! Я чуть не заплакала со злости.

Ничего не подѣлаешь, сидимъ рядомъ, но я нарочно съ ней ни слова, будто ея и не существуетъ. Вотъ еще, можетъ ея дядя, или братья нашихъ русскихъ

Ну, теперь то я совсѣмъ гимназистка.

убивали, а я съ ней разговаривать стану! И зачѣмъ ее только въ нашу гимназію приняли?

Отвернулась. А все таки интересно. Стала я сперва такъ вкось на нее поглядывать, а потомъ не выдержала, поворотилась совсѣмъ: вѣдь вмѣстѣ сидѣть будемъ, поневолѣ придется въ концѣ концовъ познакомиться.

Пока я обо всемъ этомъ раздумывала, классная дама ходила отъ одной скамейки къ другой и у каждой дѣвочки спрашивала, какъ зовутъ, фамилію и кто такая, православная или нѣтъ. Добралась и до насъ. Я сказала. Потомъ японку спрашиваетъ:

— Какъ ваша фамилія?

— Снѣжина.

— А имя?

— Люба.

— Вы православная?

— Да.

Вотъ тебѣ и фунтъ!.... т. е.... pardon, я хотѣла сказать: вотъ такъ штука, вотъ тебѣ и „японка“!

Я ужасно обрадовалась, что ошиблась, теперь можно будетъ подружиться съ ней. Сейчасъ, конечно, и разговорились. А вѣдь она совсѣмъ миленькая, особенно когда говоритъ или улыбается, такъ потѣшно ротъ бантикомъ складываетъ, и веселая, хохотушка, такъ и заливается.

Въ этотъ день насъ недолго въ гимназін продержали, велѣли только записать, какія книги и тетради купить надо, а потомъ распустили по домамъ.

Мы, сколько могли, поболтали съ Любой, но въ какіе нибудь полчаса, много ли успѣешь? Ничего, мы свое наверстаемъ, потому вѣдь я ой-ой какъ люблю

поговорить, да и „японка“ моя, видно, по этой части тоже не промахъ.

Послѣ обѣда мы съ мамочкою отправились за всѣмъ нужнымъ. Купили книги, тетради, и ранецъ;—это было самое интересное! Мамочка хотѣла сумку, но тутъ я и руками и ногами замахала. Подумайте только: если купить сумку, то ее за мной горничная будетъ носить,—ужасно нужно!—тогда какъ ранецъ я сама на плечи нацѣплю; всякій издали увидитъ, что гимназистка идетъ.

Купили мы тоже цѣлую массу бѣлой бумаги для обертки тетрадей, клякспапиру и ленточекъ. Конечно, клякспапиръ не обыкновенный розовый, какъ во всякой тетради даромъ даютъ,—фи! нѣтъ, у меня они двухъ цвѣтовъ: чудные свѣтло-сиреневые и къ нимъ пунцовыя ленточки, а другіе свѣтло-желтые съ нѣжно-голубыми лентами. Развѣ плохой вкусъ? Совсѣмъ *bon genre*, даже мамуся одобрила.

Мой милѣйшій двоюродный братецъ Володя смѣется, конечно, говорить „бабство“; да что съ мальчишки взять?—пусть болтаетъ, а все таки красиво, и навѣрно во всемъ классѣ больше ни у кого такихъ тетрадей не будетъ. Только бы кляксъ слишкомъ много не насаживать, это ужъ вовсе не *bon genre* выйдетъ.

Наши учительницы.

Ну, теперь я, кажется, всякій уголокъ и закоулокъ у насъ въ гимназіи знаю, все облетѣла и посмотрѣла.

Въ самомъ низу одинъ только I, выпускной классъ, квартира начальницы, докторская, дамская и еще ка-

кая то большая-большая комната, съ желтыми шкапами и столами, а на нихъ все хитрыя машины стоятъ; написано „физическій кабинетъ“, но, кто его знаетъ, что тамъ дѣлають. Въ среднемъ этажѣ II, III и IV классы, а на самомъ верху остальные. Во всѣхъ трехъ этажахъ есть корридоръ и зала, и оба верхнихъ, какъ двѣ капли воды, другъ на друга похожи, только въ средней залѣ есть образъ „Благословенія дѣтей“, потому что тамъ всякое утро общая молитва бываетъ.

Намъ, малышамъ, бѣгать внизъ только до начала уроковъ позволяютъ, а потомъ ни-ни.

Классъ у насъ большой, свѣтлый, веселенькій. Уроковъ каждый день пять полагается, только въ субботу четыре.

Вотъ одна за другой, стали учительницы являться. Русская—тотъ же самый милый, толстый Барбось, который экзаменовалъ меня, настоящее его имя—Ольга Викторовна.

Француженка—тоже та самая, что меня на экзаменѣ спрашивала, только теперь она какъ будто побѣлѣла—меньше іодомъ намазана. Зовутъ ее—Надежда Аркадьевна,—она русская француженка, не французская.

Дѣвочки ея не любятъ, говорятъ: точка, а мнѣ она нравится, хотя правда—не красивая: глаза у нея черные и точно вонъ выскочить собираются, а прическа—какъ большое-большое гнѣздо. Все таки она славная.

Попинька-же у насъ премиленькій, настоящій душка; некрасивый и тоже желтоватый, но веселый, ласковый, постоянно шутить и насъ иначе, какъ „кралечками“ да „красавицами“ и не называетъ.—Евгенія Васильевна

(это нашу классную даму такъ зовутъ) говорила, кажется, что онъ академикъ, но, конечно, это вздоръ или я что нибудь не разобрала, или она напутала. Первый разъ слышу!.. т. е. понятно, не про академію, это я давнымъ давно знаю, да и дядя Коля мой—академикъ; но то совсѣмъ другое, онъ офицеръ,—такъ ему и полагается значекъ, шпоры и аксельбанты носить, но чтобы нашъ милый попъ-батишка нарядился!!...

Конечно, ерунда.

Ну, и нѣмка у насъ! Откуда это только такую откопали? Ужъ кого-кого, а ее вѣрно циркулемъ не обводили. Ни дать, ни взять двѣ дощечки въ синее платье нарядились, и всю ее точно изъ треугольниковъ сложили: локти угломъ, подбородокъ угломъ, носъ угломъ, глаза каріе и ужасно блестящіе, щеки будто вдавленные, но розовыя, а сама такая длинная, что хочется ее взять да посерединѣ узломъ завязать.

Зовутъ это сокровище M-elle Linde. Видно, злющая-презлющая, настоящая шипуля. А начнетъ по-русски говорить, всѣ смѣются: гдѣ только „л“ попадется, она непременно мягкій знакъ поставитъ: „палька“, „слушайте“. Вѣдь надо-жъ выдумать!

А я то, чуть не на первомъ-же урокъ отличилась!

Повѣсили намъ на доску картину, а тамъ нарисована дѣвочка на стулѣ, и волосы у нея размалеваны какъ разъ, какъ пестрыя кошки бываютъ. Стала M-elle Linde вопросы задавать, а дѣвочки отвѣчать должны. Ужъ и отвѣчаютъ онѣ—одно горе! На весь классъ, кромѣ насъ съ Любой, всего пять-шесть есть, которые хотя что-нибудь маракують. Вотъ нѣмка и спрашиваетъ одну дѣвочку,—Сахарова называется:

„Was für Haare hat das Mädchen?“

Та стоитъ, ротъ разинувъ, ничего не понимаетъ, а я Любѣ потихоньку и говорю: „Bunte“—правда вѣдь пестрые. Сахарова, умница дорогая, возьми, да и повтори:

„Bunte“!

Кто сообразилъ, понятно, такъ и покатился, мнѣ тоже страшно смѣшно было, только я очень испугалась: ну, думаю, съѣстъ меня сейчасъ нѣмка! Закусила я губу, сдѣлала „святые глаза“ и сижу тише воды, ниже травы. Классная дама кажется видѣла, что это я шепнула, но она только собрала свою носюлю на веревочку и хохочетъ-заливается.

Нѣмка посмотрѣла-посмотрѣла, — ничего, сказала только Сахаровой: „Какія глупости“ и объявила, что „Das Mädchen hat blondes Haar“. Хорошо, что сказала, иначе я бы до этого никогда не додумалась.

Кто ужасно-ужасно милый—это учительница рисованія. Высокая такая, волосы черные, глаза большущіе, идетъ точно царица, но съ нами такая ласковая, меня даже по головѣ погладила, а какъ въ корридорѣ встрѣтить, сейчасъ:

— „Ну-ка, черноглазый стригунчикъ, подите сюда, покажите ваши тараканчики“.

Но если бы только вы видѣли, что этотъ самый „стригунчикъ“ въ тетрадкѣ рисуетъ!.. Господи, какъ мнѣ совѣстно! Такъ бы хотѣлось угодить Юльѣ Григорьевнѣ, но рука ни съ мѣста, а коли двинется, такъ и еще того хуже. И вѣдь есть-же счастливыя дѣвочки, которыя могутъ рисовать: и Юля Бекъ, и Зернова, да и „японочка“ моя совсѣмъ недурно, а у меня—Боже,

Боже, что за ужасныя кривули въ тетрадкѣ красуются!

Учительница географіи у насъ очень хорошенькая, зовутъ ее Елена Петровна; она совсѣмъ молоденькая, розовая, тоненькая, нарядная, и всегда какъ куколка одѣта. Дѣвочки наши по ней сума сходятъ, только не я. Вотъ хорошенькая она, а не нравится мнѣ, потому что я знаю... т. е. не знаю, а... чувствую, что она никого изъ насъ не любитъ. Я всегда чувствую, любятъ меня или нѣтъ, и когда нѣтъ, мнѣ дѣлается такъ неуютно, такъ холодно... а около нея всегда холодно, и глаза у нея недобрые.

Учительница же наша ариѳметики и того хуже. Это не та, что меня экзаменовала, совсѣмъ другая. Зовутъ ее Вѣра Андреевна. Она молодая, но вся красная, вѣчно по классу бѣгаетъ, руки потираетъ и вертится, и крутится, ужасно ей хочется миленкой быть, а только по моему она противная. Мы съ Любой ее сейчасъ же „краснокожимъ индѣйцемъ“ прозвали; всѣ дѣвочки одобрили, теперь ее никто иначе и не называетъ.

Весело у насъ въ гимназіи, просто чудо! Чего-чего мы только на перемянкахъ не вытворяемъ,—да кабы только на перемянкахъ, на урокахъ тоже всяко бываетъ. У насъ своя компанія, хоть и маленькая, но, правду надо сказать, шумная. Говорятъ, что мы и на новенькихъ не похожи, такъ скоро ко всему привыкли.

Да, все это хорошо, а уроки-то на завтра все таки выучить надо, это не дома, тутъ весь классъ слушаетъ, да и передъ учительницами совѣстно. И задана то гадость какая: горизонтъ, небосклонъ, параллельные круги—покорно благодарю. И зачѣмъ только все это выдумали?

Бѣгу, а то мамочка ворчать будетъ.

Только что пришло письмо отъ тети Лидуши; писать, что она съ мужемъ прїѣдетъ черезъ мѣсяцъ изъ Швейцаріи и привезетъ мнѣ что-то очень хорошее. Что бы это могло быть? И отчего прямо не сказать? Извольте-ка четыре недѣли мучиться!

Моя компанія. Путешествіе по Святымъ мѣстамъ.

У меня теперь завелось трое друзей неразлучныхъ, мы почти всегда вмѣстѣ ходимъ и въ классъ по со-сѣдству сидимъ. А сколько намъ отъ начальницы достаётся! Не знаю уже почему, но терпѣть она не можетъ, когда обнявшись ходятъ, какъ увидить, сейчасъ: „Пожалуйста, не переплетайтесь!“ а мы это именно и любимъ: обнимаемся всѣ четверо, да по самой серединѣ корридора и маршируемъ, и кто ни идетъ, дорогу загораживаемъ.

Самая тихонькая изъ насъ Люба, она рѣдко когда расшалится и что нибудь выдумаетъ, зато хохотать мастерица; но наша Шурка Тишалова, той хоть медаль за шалости давай. И мордашка у нея препотѣшная: плоская, широкая, носъ совсѣмъ кверху и маленькій, какъ пуговка, глаза сѣренькіе, плутоватые, зубы большіе, бѣлые, а щеки точно поджаренныя. Страшно на татарченка похожа. Славная дѣвчонка, никогда-никогда не вретъ, а все таки жуликъ страшнѣйшій.

Полуштофикъ—это я нашу Штофъ такъ называю, потому что она совсѣмъ маленькая, почти какъ я,—